

Интервью «Известий»

ГЕРОЙ, ДОСТОЙНЫЙ ПОДРАЖАНИЯ

На «Мосфильме» завершена работа над новой картиной «Тревожное воскресенье». Действие в ней охватывает считанные часы, ставшие для ее героев поистине звездными. Трудное испытание требует от одних главного и единственного решения. Для других оно становится точкой отсчета настоящей их биографии. Наконец, третьи мобилизуют весь свой опыт и как бы вновь проверяют себя высокой мерой. Снял картину режиссер Р. Фрунтов. Одну из ролей — председателя горисполкома Головиной — играет народная артистка РСФСР К. Лучко.

— Это у вас, Клара Степановна, не первая подобная роль. Секретарь горкома в фильме «Море в огне», директор межколхозада в «Корне жизни», председатель колхоза, ставшая затем секретарем райкома, в молдавской картине «Найди подкову на счастье»... Есть в этом случайность — предложили роль — согласилась — или, быть может, определенная линия на определенном этапе творчества? Я спрашиваю об этом потому, что создание в произведениях искусства образа руководителя — партийного, советского, хозяйственного — все более волнует наших мастеров. Понять их нетрудно: хочется исследовать и, разумеется, представить во всей многосторонности эту новую для театра и кино фигуру, впрочем, новую и для истории, не так ли?

— Да, конечно, в стране свыше пятидесяти тысяч местных Советов, и в каждом есть председатель исполкома... Не берусь подсчитывать, но армия руководителей всех уровней действительно большая. Главное, однако, не цифра. Главное: эти люди — такие же, как все, ведь почва для роста у нас одна — единственная. И в то же время ответственность на них лежит особая, и положения, в которые их порой ставит жизнь, не из легких. Не каждый выдержит такое напряжение. Вот это-то и хочется понять. Вопрос «если я был бы директором» ставим перед собой и мы, артисты. Но ставим по-своему: не как быть руководителем, а как его показать.

Так что работа над образами руководителей для меня не случайна. Линией в творчестве это, может, и не назовешь в том смысле, что вот я, мол, решила теперь играть лишь подобные роли. На мой взгляд, играть роли одного ряда актеру вообще не следует. Играть можно и нужно только характер. И если мои будущие героини из ряда руководителей отмечены сложными или хотя бы просто интересными характерами, то за такую роль я берусь: она станет и моим вкладом в общий поиск.

Но неперемная моя забота при этом: роли по своему ри-

сунку должны различаться. В фильме «Найди подкову на счастье» показана жизнь моей героини на протяжении двадцати пяти лет. В «Тревожном воскресенье» время спрессовано до считанных часов. И характеры спрессованы тоже.

— Интересно узнать о вашем собственном отношении к своей новой героине. В фильме перед нами по сути три разные Анны Головины. Сначала заботливая мать — мать «как все», с понятным беспокойством за становящегося взрослым сына. Затем мы видим ее на приеме в честь зарубежных гостей — мэра портового города, полную достоинства, всем своим обликом вызывающую уважение. И, наконец, Головина как председатель горисполкома берет на себя руководство всеми действиями по предотвращению нависшей над городом угрозы. И тогда Головина вся — ступок воли и знаний. Человек дела. Твердый характер.

— Но помните: отправляясь принимать делегацию, Головина будит сына? Уже их короткий утренний разговор раскрывает ее как человека ясных и твердых убеждений. Сейчас они говорят о вещах житейских, да. Но через несколько часов эти же ясность и твердость проявятся в другой ситуации, и мы поймем: это она, Анна Головина, это ее характер, реальное воплощение ее взглядов. И, наоборот, когда угроза городу минует и из огня вынесут ее сына (одна она знала, что он там, в огне!), председатель исполкома станет обыкновенной женщиной, матерью... Разные грани характера — да, согласна, но не три разные Анны! И что важно: таких черт не было в образах женщин-руководителей, которых я уже сыграла раньше. Роль Головиной стала для меня хорошей возможностью расширить их, дополнить.

Но вот что еще важно. Головина была, кажется, моей сороковой женской ролью в кино. (Тут Клара Степановна посмотрела на меня со свойственной ей быстрой улыбкой, и я вспомнил: она сыграла также и мужскую роль — в экранизации шекспировской «Двенадцатой

ночи». Мы пошутили на эту тему, и она продолжила). — Особенно интересна мне незаурядная женская личность, биография которой складывалась в конфликтных ситуациях. Председатель исполкома, фронтовичка, археолог, космонавт, Клавдия в «Цыгане» — многое их сближает, но ведь что-то и отличает! И это что-то хочется сыграть. Показать, как человек состоялся.

— Кстати, о Клавдии. Один зритель на просьбу отметить главное в вашей Клавдии, ответил: человечность. Понятие это одновременно и очень широкое, «вселенское», и очень интимное, свое. Мне приходилось сталкиваться и с пониманием человечности как жизненности, близости к реальному положению вещей, внутренней похожести на действительность. Именно поэтому, как мы знаем, женщины станицы Пухляковской приходили на съемки фильма...

— ...делали замечания, переживали вместе с нами. Даже весь реквизит сами принесли — от одежды до рушников и мисок. Общение наше продолжалось почти полгода! В этих донских казачках я увидела женщин сильных духом, на своих плечах вынесших послевоенное восстановление да еще воспитывавших в нужде и лишениях своих и чужих детей. А эти женщины, в свою очередь, увидели в романе Анатолия Калинина правду жизни и пристальный интерес к Клавдии перенесли на меня. Уж они-то понимали: идет всего лишь съемка, но они словно чувствовали и свою ответственность за будущий фильм.

— Приятно вспоминать? — Если б ничего другого не было у меня за десятилетия жизни в кино, то были эти полгода...

— Итак, общение с прототипами своих персонажей помогает?

— В современном кинематографе съемки в похожей ситуации нередки. Хотя стать системой это не может. Так что если говорить об «общении с прототипами», то оно должно происходить ежедневно, стать частью всей твоей жизни. Лично я много езжу по стране, люблю встречи на заводах, в колхозах: люди говорят подчас такое для тебя — важное! Вслушиваешься, всматриваешься — ах только бы был драматургический материал, а уж прототипы-то есть: глубокие, духовно богатые люди.

— Снимаясь в роли Клавдии, вы были как бы окружены ее прототипами. А существует ли

прототип Головиной? Может быть, есть в ней что-то автобиографическое, ведь вы сами избирались депутатом Моссовета, а сейчас входите в Гагаринский районный комитет КПСС?

— Может быть. Но Анна Головина как государственный деятель шире, объемнее. Она из плеяды тех женщин — председателей исполкомов, секретарей партийных комитетов, — с которыми я встречаюсь, дружу, переписываюсь. Есть в ней что-то от моей мамы, председателя колхоза, с которой я в детстве наездилась по украинской глубинке. И от Нины Прокопьевны Силковой, секретаря Красноярского крайкома партии. И от Тамары Васильевны Голубцовой, долго работавшей первым секретарем Гагаринского райкома партии, а теперь заместителя министра культуры СССР. И от... словом, от тех, кто, по моему убеждению, является типическим нашим современником. Так что «собрание материала», о котором много пишу, — это просто активное участие артиста в жизни страны.

— Говоря о положительном герое нашего современного искусства, часто подчеркивают, что он должен быть многоплановым, разносторонним. Некоторые при этом задаются вопросом, могут ли быть, к примеру, у положительного героя отдельные отрицательные черты? Другие утверждают: да, герой слаб духом, нечеток, но честный, порядочный, значит, положительный... Ваше мнение?

— Думаю, что положительный герой должен быть прежде всего живым и красивым человеком. И при этом обязательно примером! В «Тревожном воскресенье» есть командир пожарных Чагин — его играет Эммануил Виторган. Это герой не голубой, не розовый, на его пути встают препятствия, возникают конфликты, но все, что он делает, приобретает цену примера. Имея такого друга, ты уверен — в беде он спасет. Это мужчина, руководитель, человек по всем статьям сегодняшней. Сего дня. Виторган создал личность неоднозначную, но во всем цельную. И нет ничего плохого в том, что его Чагин не ошибается. Героев, которые только и делают, что ошибаются, у нас предостаточно. Они тоже были и будут предметом исследования в искусстве. Но, говоря о положительном герое, мы должны иметь в виду такого героя, которому мальчишки восьмидесятых подражали бы так же, как мальчишки тридцатых — Чапаеву.

— Последний вопрос. Что вы делаете между съемками двух картин?

— Иногда снимаюсь в третьей... Чаше читаю, «собираю материал», то есть езжу, встречаюсь, выполняю общественные и семейные обязанности.

— Много их?

— О, хватает...

Интервью взял
Г. МЕЛИКЯНЦ.

На снимке: кадр из фильма «Тревожное воскресенье».